УДК 061.1ГПУ-ОГПУ:323.329»1920»(571.13) DOI: 10.12737/16832

УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1920-Е ГГ. (НА МАТЕРИАЛЕ ОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Гуларян А.Б.[1]

Официальная политика большевистского руководства по проведению в стране «культурной революции» и трансформации старой «буржуазной» интеллигенции в советскую была бы невозможна без агентурной работы органов ОГПУ в вузах.

На примере города Омска можно проследить, как складывался контроль государства над интеллигенцией в 1920-е гг. В перспективе наличие подобного механизма и его налаженная работа в масштабах государства позволяли сформировать советскую интеллигенцию с желаемым для коммунистов политическим сознанием, легко управляемую государственным аппаратом, частью которого и являлись органы ОГПУ.

Статья подготовлена при поддержке правительства Омской области (грант правительства Омской области № 0152200001315000067 лот 1 от 16.07.2015 г.)

Ключевые слова: РКП(б), ГПУ-ОГПУ, интеллигенция, высшее образование, студенчество, профессорско-преподавательский состав, информационная сводка, чистка.

PARTICIPATION OF THE GPU-OGPU AUTHORITIES IN THE FORMATION OF THE NEW SOVIET INTELLIGENTSIA IN 1920S (ON THE BASIS OF THE OMSK PROVINCE)

GULARYAN A. B. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Humanities, Orel State Agrarian University (Russian Federation, Orel), e-mail: agularyan@yandex.ru

The official policy of the Bolshevist leadership in the country of «cultural revolution» and transformation of the old «bourgeois» intelligentsia into the Soviet intelligentsia would be impossible without secret-service work of agents of OGPU in higher education institutions.

On the example of Omsk the formation of state control over the intelligentsia in the 1920s can be traced. In future the availability of such a mechanism and its work in scales of the state allowed to create the Soviet intelligentsia with the political consciousness wished for communists, manageable by government, and departments of OGPU were the part of it.

The article was prepared with the support of the government of the Omsk region (Omsk region government grant № 0152200001315000067 Lot 1 from 07.16.2015)

Keywords: RCP(b), GPU-OGPU, intelligentsia, higher education, students, teaching staff, information report, combing-out.

Гуларян Артем Борисович — кандидат исторических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет (Российская Федерация, г. Орел), e-mail: agularyan@yandex.ru

Одним из важных элементов политики большевистского руководства по социалистическому переустройству общества и проведению «культурной революции» была подготовка кадров новой советской интеллигенции. В этой работе РКП(б) опиралась среди прочих своих ресурсов на возможности органов ВЧК-ГПУ, которые вели систематическое наблюдение за интеллигенцией, осуществляли надзор над высшими учебными заведениями и участвовали в подборе вузовских кадров.

Эту деятельность можно изучить по информационным сводкам ОГПУ, которые признаются историками одним из наиболее ценных и предпочтительных источников с точки зрения достоверности и полноты содержащихся в них сведений о событиях, происходивших в стране в 1920—1930-е гг. Эти документы предназначались для служебного пользования и имели целью информирование руководящих партийных работников губернского уровня и вышестоящего политического руководства о реальной социально-экономической и политической обстановке на местах и положении дел в стране в целом [1].

Как свидетельствуют дошедшие до нас отчеты и сводки ОГПУ, в 1920-х гг. чекисты фиксировали любые изменения в настроениях интеллигенции, оценивали степень лояльности к власти и уровень ее благосостояния. Приводились данные по различным профессиональным группам интеллигенции: врачам, инженерам, учителям, литераторам. Но главное внимание в этих сводках уделялось вузам: настроениям и положению профессорско-преподавательского состава и студенчеству. Партийное руководство страны и чекисты прекрасно осознавали значение вузов для формирования советской интеллигенции, а следовательно, и для строительства социалистического общества и создания «нового советского человека».

В 1920-е гг. Омск превратился в крупный вузовский центр Сибири. В городе открылись три института: Сибирский институт сельского хозяйства и лесоводства, Сибирский ветеринарный институт и Омский медицинский институт. Общая численность студентов в Омске с 1921 по 1928 гг. увеличилась в 5,4 раза [2].

Работа по формированию советской интеллигенции осуществлялась органами ОГПУ Омска, прежде всего, путем влияния на кадровую политику в вузах. Это влияние проводилось в двух формах. Первая – административная, осуществлялась вполне официально, путем составления по запросу партийных органов (в Омске для Окружкома ВКП(б)) справок на претендентов на вузовские должности профессорско-преподавательского состава. В справках, составленных по специальной форме, приводилась оценка политической благонадежности и деловых качеств претендентов, и давалось заключение о целесообразности их трудоустройства. Впрочем, подобная практика существовала и до революции, когда местные власти запрашивали жандармские управления информацию о политической благонадежности разных лиц.

В фондах Исторического архива Омской области сохранились две таких «объективки», которые хорошо иллюстрируют, что с точки зрения сотрудников ОГПУ профессорско-преподавательский состав омских вузов делился на сторонников и противников советской власти. При этом граница между сторонниками и противниками представлялась зачастую размытой, что допускало возможность пересмотра отношения к тому или иному лицу.

«Орлов Нил Петрович – сын псаломщика. Сторонником существующего строя назвать нельзя, так как ближе стоит к реакционному крылу профессуры, но как работник весьма ценный, энергичный, добросовестно и аккуратно выполняет свою работу. За что студенты его уважают. В антисоветском отношении, кроме симпатий правой профессуры, за ним ничего предосудительного не замечено. Других

[1] Воробьев С.В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК-ОГПУ) // Документ. Архив. История. Современность. 2008. Т.9. С.149.

[2] Очерки истории города Омска. Том 2. - Омск. XX век / Под ред. А.П. Толочко – Омск, Изд-во ОмГУ, 2005. С.140.

кандидатов на должность ассистента инфекционных болезней не предвидится сейчас, также и в ближайшие два года не будет, почему возражать против утверждения в должности ассистента инфекционных болезней не приходится»[1]. На процитированном документе стоят подписи начальника секретного отдела ОГПУ и оперативного работника, который непосредственно составлял справку. Текст справки доказывает, что работник, курировавший институт, не только прекрасно знал о политических настроениях его сотрудников, но и вникал в кадровые перспективы учреждения, знал о социальном происхождении и деловых качествах преподавателей вуза. Это говорит о хорошо поставленной агентурной работе, о которой пойдет речь чуть ниже. При этом для сотрудников ОГПУ главным вопросом оставалась политическая лояльность кандидата к существующему строю. И только отсутствие других кандидатур на должность заставило сотрудников Омского отдела ОГПУ дать осторожное согласие на это назначение.

Вторая справка содержит однозначно отрицательную рекомендацию: «Сарра-Ефимова Валентина Ивановна. Дочь ремесленника. По некоторым данным, она была женой одного видного командира анненковского отряда (карателя), убитого в бою с красными и теперь как будто бы свою настоящую фамилию скрывает. Настроена далеко не в сторону существующего строя. Выразительница настроений консервативной профессуры. Она ныне является женой профессора Ефимова, при кафедре и под руководством которого она и работает. Отзыв, подтверждающий ее вполне научную подготовленность, ей дал профессор Ефимов (муж). По отзывам студентов и отдельных научных сотрудников, особой ценности не представляет, и к своим обязанностям относится якобы не серьезно и вызывающе относится к пролетарскому студенчеству. Симпатиями со стороны последнего она не пользуется. Поддерживать утверждение Сарры-Ефимовой не рационально. Год – два также может поработать сверхштатной научной сотрудницей» 2. С такой характеристикой органов государственной безопасности трудовая деятельность человека в вузе не имела перспектив.

Омские чекисты имели прямое отношение к смене ректора Омской сельскохозяйственной академии. Они направили в Омский окружком показательную во всех отношениях характеристику на двух претендентов – действующего ректора Н.И. Грибанова и претендующего на должность по конкурсу В.И. Киркора. В документе говорилось: «Из наблюдений за время его (Крикора – авт.) пребывания в СХА было выявлено, что он сочувствует партии эсеров. Как профессор хорош, но как человек – большой склочник и в высшей степени материалист. Общественной работы никакой не вел и больше был занят выплатой алиментов своим пяти женам. Полит. вопросами интересуется, но истолковывает всегда на свой лад… Кандидатура Киркора на пост ректора, безусловно, лучше кандидатуры Грибанова, который очерствел и окружил себя кучкой бездарных, реакционно настроенных профессоров, далеко ушел от руководства академической работой, ударившись исключительно в хозяйственную деятельность и командировки, которых в году 6 месяцев» 3. Обращает на себя внимание, что личные качества претендента В.И. Киркора вызвали у чекистов определенные вопросы. Но его деловые качества, в конце концов, перевесили. Не стоит удивляться, что после подобной характеристики по конкурсу на место ректора прошел В.И. Киркор.

Следует отметить, что вузовская профессура и преподаватели очень быстро сориентировались в происходящем, и делали все, от них зависящее, чтобы партийным органам со стороны чекистов исходила о них положительная информация. Так, в январской сводке за 1923 г. Омский губотдел ГПУ сообщал: «достигается полное соглашение преподавательского состава ветиститута с ячейкой РКП, ярким показателем чего служит заявление самого ректора института, профессора Дорофеева, в котором он указал, что будет вести работу в теснейшем контакте с комячейкой и на ближайшем заседании

[1] Исторический архив Омской области (ИАОО). - Ф. П-7. Оп. 2. Д. 297. - Л. 31.

[2] Там же. Л.32

[3] ИАОО. - Ф. П-7. Оп. 4. Д. 79. - Л. 5.

ячейки сделает доклад о планах дальнейшей работы ветинститута, причем изъявил желание, чтобы ячейка внесла в свой доклад поправки, с которыми он готов считаться» 1. Естественно, что в данном случае авторитет ректора в глазах партийного руководства губернии возрастал, что укрепляло его позиции на занимаемой должности.

Таким образом, справки и рекомендации, готовившиеся сотрудниками ОГПУ Омска на претендентов на замещение должностей профессорско-преподавательского состава и руководителей вузов, являлись важной составной частью государственного механизма кадрового отбора в вузах города.

Вторую форму влияния сотрудников ОГПУ на кадровую политику омских вузов можно определить как агентурную, конфиденциальную, негласную. Проследить ее достаточно сложно, поскольку большинство документов, раскрывающих методику оперативной работы советских спецслужб, по понятным мотивам до сих пор засекречено. Тем не менее, на основе рассекреченных фрагментов ведомственных отчетов и информационных сводок можно понять механизм этой деятельности. Он был основан на использовании агентуры – секретных сотрудников, которые не только давали органам государственной безопасности необходимую информацию, но и выполняли деликатные поручения в своих учреждениях.

Первоначально костяк секретных сотрудников (агентов и осведомителей) составили лица, уже сотрудничающие с ВЧК и чекисты-коммунисты, уволенные по сокращению штатов при реформировании ВЧК в ГПУ в 1922 г. Все они были устроены в различные партийные, государственные, образовательные и профсоюзные учреждения и одновременно зачислены в секретный состав 2. Постепенно сеть агентов и осведомителей (с точки зрения чекистов это были разные категории секретных сотрудников) расширялся и охватывал все более широкие слои населения. Именно благодаря этим сотрудникам чекисты постоянно получали информацию о положении дел, в том числе и в высшем образовании.

Например, в сводке Омского губотдела ГПУ от 16–23 февраля 1923 г. о положении в губернии, местное руководство было проинформировано о существовании оппозиционно настроенной группы студентов мединститута. В документе говорилось: «Политнастроение учащихся вузов удовлетворительное. Группировок антикоммунистического направления не замечалось, за исключением мединститута, где среди студентов 4-го курса выявилась группа около 10 человек, резко оппозиционная существующему Совету студенческих представителей, руководимому всецело коммунистами. 14 февраля эта группа по окончании лекций, вопреки положениям о студенческих сходках, не предупредив курсового старосту, устроила сходку 4-го курса, на которой был поставлен вопрос об оказании материальной помощи одному из студентов определенно монархического направления. Президиум и пленарное заседание Совета студенческих представителей признали эту сходку незаконной и вынесли ее участникам порицание. После означенного эта группа, однако, не успокоилась, а собрала вторую сходку, на которой постановила отозвать из совета представителя 4-го курса, коммуниста, который по заданию бюро комячейки руководил работой Совета студенческих представителей. Бюро комячейки и ячейка в целом, принимая во внимание разлагающее влияние указанной группы на студенчество, вынесли постановление в отношении двух ее руководителей, неоднократно замеченных в действиях антикоммунистического характера, пойти с ходатайством в академический центр о немедленном их

[1] Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. С. 388.

[2] Наумов И.В. Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и совслужащими Иркутского региона в 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2011. № 1. С.129.

исключении из института без права поступления в вузы республики» 1. Столь детальное изложение произошедших событий было бы невозможно без четко налаженной агентурной работы в Омском медицинском институте.

Через агентуру собиралась также информация об антисоветских настроениях и высказываниях отдельных студентов, которые тут же брались под негласный надзор. Очень часто информация о подобного рода высказываниях доводилась потом до партийных органов, поскольку в рассматриваемое время критические высказывания о советской власти являлись уголовным преступлением – приравнивались к контрреволюционной агитации. Например, в одной из информационных сводок за 1926 год о состоянии интеллигенции города Омска сообщалось: «противосоветской агитации со стороны студентов, кроме одного случая, не наблюдалось. Студент III курса мединститута Пестов, который в разговоре с другими студентами высказывался, что у РКП сколько-нибудь сносных перспектив нет, что компартия больше всего занимается болтовней, что она не сможет восстановить промышленность без иностранного капитала, а эту помощь иностранцы не оказывают. Говорил также, что беспартийные студенты находятся в крепких тисках партийных организаций и что-либо возразить коммунисту не позволяет боязнь за свою шкуру. Осведомители характеризуют Пестова как типичного интеллигента и к тому же политически неразвитым (за Пестовым установлено наблюдение)»[2]. К сожалению, за недостатком времени и архивных материалов не удалось проследить дальнейшую судьбу студента Пестова. Она могла быть разной: от исключения из вуза до привлечения к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию.

Столь четкая и грамотная информационная работа чекистов в интеллигентской среде позволяла советскому руководству проводить столь же четкую и внятную политику по трансформации старой «буржуазной» интеллигенции в советскую. Следует отметить, что в начале 1920-х гг. большевики рассматривали вузы как место высокой концентрации политически неблагонадежных элементов общества, не делая исключений из этого обобщения. Например, в записке Ф.Э. Дзержинского в Политбюро ЦК РКП(б) от 3 июня 1922 г. «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» анализ оппозиционных настроений начинался именно с описания состояния вузов: «Как студенчество, так и антисоветская профессура в высших учебных заведениях ведут контрреволюционную работу главным образом в двух направлениях:

а) борьба за «автономию» высшей школы;

б) за улучшения материального положения профессуры и студенчества и борьба за «автономию» как в кругах активного антисоветского студенчества, так и профессуры, имеет в сущности цели исключительно политические, направленные против влияния в высшей школе коммунистической партии и классового принципа в школе»[3].

Рассмотрев записку Дзержинского, Политбюро ЦК РКП(б) создало специальную комиссию с участием представителей ОГПУ, которая должна была заняться разработкой мероприятий по вопросам: «о фильтрации студентов к началу будущего учебного года; об установлении строгого ограничения приема студентов непролетарского происхождения; об установлении свидетельств политической благонадежности для студентов, не командированных профессиональными и партийными организациями и не освобожденных от взноса платы за право учения»[4].

---

[1] Цит. по: Василевский В.П. Студенчество Омска как объект деятельности органов ГПУ-ОГПУ // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С.51.

[2] Там же. С.50.

[3] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ–ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С. 32.

[4] Там же. С. 35.

Таким образом, и в «чистке» советского образования от «чуждых элементов» также были задействованы возможности ОГПУ. Омский губотдел ГПУ также не остался в стороне от подобной работы. В информационной сводке за март 1923 г. сообщалось: «… комиссией по очистке вузов, созданной на основании циркулярного распоряжения за № 288 ППГПУ по Сибири, удалены из вузов 32 бывших белых офицера»[1].

В 1924 г. была проведена масштабная чистка среди студенчества омских вузов от социально чуждых советской власти элементов. В июньской сводке за 1924 г. Омский губотдел ОГПУ докладывал: «Работа по академической проверке вузов закончена. Проверку прошли 1930 студентов, подразделяющихся по своему социальному составу: рабочих – 18%, крестьян – 39%, служащих – 31% и прочих – 12 %. Коммунистов по всем вузам около 12% и членов РКСМ около 8%. Из общего числа студентов исключены 329 человек, из которых членов и кандидатов РКП(б) – 6 человек и членов РКСМ – 4 человека. Последние исключены как академически неуспевающие. Настроение пролетарской части студенчества, находящегося в меньшинстве среди громадного большинства, в связи с чисткой заметно улучшилось. Последние, натерпевшись различных поражений от б/п большинства, находят чистку недостаточной. Б/п студенчество, оставшееся в вузах, свое отношение к чистке почти не выявляет, но с уверенностью можно предполагать, что симпатии последних на стороне исключенных. Со стороны же исключенных было слышно: «Организуем группу, поедем за границу, надо принять выжидательную позицию, коммунисты пойдут на уступки… И если это не сделают, то Антанта предъявит ультиматум. Погодите, настанет пора…"»[2]. В 1929 г. партийная чистка, проводимая в масштабах всей страны с целью борьбы с партийной оппозицией, распространилась и на сферу образования. Под эту кампанию попала «старая» профессура омских вузов. Партийное руководство Омска отмечало: «Мы имеем 60% реакционной профессуры… Наша профессора зачастую протаскивала в вузы чуждую идеологию…». Далее на конкретных примерах пояснялось, что профессор Семенов «воспитывал наших студентов в прямом контрреволюционном направлении», давал студентам зарядку «антисоветского контрреволюционного направления». Заведующий учебной частью Омского сельскохозяйственного института проф. В.Нагнибеда был известен обстоятельными исследованиями переселенческого хозяйства досоветской Сибири, состояния крестьянского хозяйства после окончания Гражданской войны. Теперь его обвинили в сочувствии осужденным по политическим процессам «Промпартии» и «Крестьянской трудовой партии», объявили «реакционным профессором» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что уже в 1920-е годы органам ОГПУ удалось создать в омских вузах разветвленный агентурный аппарат. Это позволяло отслеживать настроения и наблюдать за действиями студентов и профессорско-преподавательского состава, своевременно информировать партийные и советские органы власти об изменениях обстановки в интеллигентской среде. Действуя через органы государственной безопасности, власть не допускала пополнения рядов советской интеллигенции нелояльными к ней людьми. Подобный контроль вполне можно назвать тотальным. Следует согласиться с мнением В.И. Шишкина, утверждающего, что «уже в начале 1920-х годов в Советской России существовали государственный аппарат и карательные органы, способные осуществлять политику тотального контроля над обществом. Существовали не потенциально, существовали реально. Дело было только за директивами центрального руководства и за благоприятной ситуацией для того, чтобы этот аппарат запустить в действие»[4].

---

[1] Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. — С. 388.

[2] Там же. С. 465.

[3] Очерки истории города Омска. Том 2. - Омск. XX век / Под ред. А.П. Толочко – Омск, Изд-во ОмГУ, 2005. - С.175.

[4] Шишкин В.И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов. Режим доступа свободный: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Shishkin.htm

Библиография/References:

1. Василевский В.П. Студенчество Омска как объект деятельности органов ГПУ-ОГПУ // Исторические, философские, политические, юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 5 (43): в 3-х ч. - Ч. I. – С.49 – 53.

2. Воробьев С.В. Власть и общественные настроения на Урале в начальный период НЭПа (по информационным сводкам ВЧК-ОГПУ) // Документ. Архив. История. Современность. – 2008. – Т.9. – С.148 – 154.

3. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 - декабрь 1936 гг. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост.: В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М.: МФД, 2003. – 912 с.

4. Наумов И.В. Работа органов ОГПУ с интеллигенцией и совслужащими Иркутского региона в 1920-х гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. – 2011. – № 1. – С.128 – 139.

5. Очерки истории города Омска. Том 2. – Омск. XX век / Под ред. А.П. Толочко – Омск, Изд-во ОмГУ, 2005. – 400 с.

6. Строго секретно. Омское Прииртышье в политических информационных сводках 1920–1930 гг. – Омск: ООО «Мир увлечений», 2011. – 592 с.

7. Шишкин В.И. Советская карательная политика в Сибири в начале 1920-х годов. – URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Shishkin.htm (дата обращения: 13.102015)

1. Vasilevskiy, V.P. (2014) Studenchestvo Omska kak ob'ekt deyatel'nosti organov GPU-OGPU [Students Omsk as an object of activity of the GPU-OGPU] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie, yuridicheskie nauki, kul'turologia I iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki [Historical, philosophical, political, legal, science, culture and art history. Theory and practice]. - Tamdov: Gramota. – № 5 (43): v 3-h ch. - CH. I. – P.49-53. (In Russ.)

2. Vorob'ev, S.V. (2008) Vlast' I obschestvennie nastroenia na Urale v nachal'niy period NEPa (po informacionnim svodkam VChK-OGPU) [Authorities and the public mood in the Urals during the initial period of the NEP (on the news bulletins of the Cheka-OGPU)] // Dokument. Arhiv. Istoria. Sovremennost. [Document. Archive. History. Modernity]. – T.9. – P.148 – 154. (In Russ.)

3. Lubianka. Stalin i VChK-GPU-OGPU-NKVD. Arhiv Stalina. Dokumenti vishih organov partiynoi I gosudarstvennoi vlasti. Ianvar' 1922 – dekabr' 1936 gg. [Lubyanka. Stalin and the Cheka-GPU-NKVD. Archive Stalin. Documents senior officials of the party and the government. January 1922 - December 1936.] (2003)/ Pod red. akad. A.N. Iakovleva; sost.: V.N. Haustov, V.P. Naumov, N.S. Plotnikova. – M.: MFD. – 912 p. (In Russ.)

4. Naumov, I.V. (2011) Rabota organov OGPU s intelligenciei b sovsluzhaschimi Irkutskogo regiona v 1920-h gg. [The work of the GPU with the intelligentsia and sovsluzhaschimi Irkutsk region in the 1920s] // Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Istoria [Proceedings of the Irkutsk State University. Series history]. – № 1. – P.128 – 139. (In Russ.)

5. Ocherki istorii goroda Omska. Tom 2. - Omsk. XX vek [Essays on the history of the city of Omsk. Volume 2 - Omsk. Twentieth Century] (2005) / Pod red. A.P. Tolochko. - Omsk, Izd-vo OmGU. – 400 p. (In Russ.)

6. Strogo sekretno. Omskoe Priirtishe v politicheskih informacionnih svodkah 1920–1930 gg. [Top secret. Omsk Irtysh political information bulletins of 1920-1930.] – Omsk: OOO «Mir uvlechenii», 2011. – 592 p. (In Russ.)

7. Shishkin, V.I. Sovetskaia karatel'naia politika v Sibiri v nachale 1920-h godov [Soviet penal policy in Siberia in the early 1920]. - URL: http://www.memorial.krsk.ru/Articles/1999Shishkin.htm (data obrashcheniia:: 13.10.2015) (In Russ.)